

2148
24

623

A SITUATION DES DOUINOBORTSI.

Prix: 50 cent.; 5 d.; 25 Kr.; 40 Pf.; 20 коп.

ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВОРОВЪ НА КАВКАЗЪ

въ 1896 году,

и необходимыя средства облегченія ихъ участі.

И. БИРЮКОВА и В. ЧЕРТКОВА.

НЕ ВЪ СИЛЪ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДЪ.

Издание Владимира Черткова.

№ 4

L O N D O N,

1897.

VLADIMIR TCHERTKOFF,

“Broomfield”, Duppas Hill, Croydon, England.

95 $\frac{1}{440}$

ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВОРОВЪ НА КАВКАЗЪ

въ 1896 году,

и необходимыя средства облегченія ихъ участі.

П. БИРЮКОВА и В. ЧЕРТКОВА.

Издание Владимира Черткова.

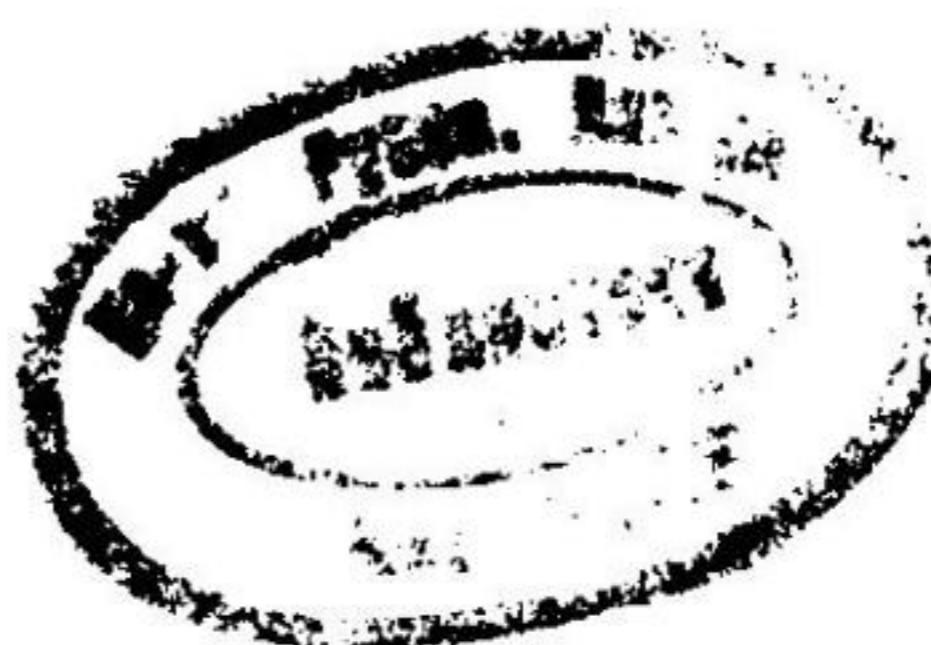
№ 4

ЛОНДОНЪ

1897.

Нижеслѣдующее есть записка, составленная преимущественно для правительстvenныхъ лицъ и содержащая въ нѣсколько иной и болѣе подробномъ изложеніи тѣ самыя свѣдѣнія, которыя помѣщены въ обращеніи къ обществу, подъ заглавиемъ „Помогите!“, составляющемъ выпускъ № 3 этой же серіи изданій.

В. Ч.

I

ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОБОРОВЪ
на
КАВКАЗЪ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ настоящее время на Кавказѣ русскіе сектанты духо-
боры терпятъ преслѣдованіе мѣстныхъ властей.

Крайне тяжелое положеніе, въ которое поставлены духо-
боры этими преслѣдованіями, требуетъ немедленной помощи.

Факты, достовѣрно намъ извѣстные, до такой степени
противорѣчать съ донесеніями, получаемыми центральною вла-
стью офиціальнымъ путемъ, что это противорѣчіе можно объ-
яснить только или печальнымъ недоразумѣніемъ или крайней
недобросовѣстностью офиціальныхъ сообщеній.

Собранныя нами свѣдѣнія добыты не только изъ личнаго
опроса пострадавшихъ лицъ, но и изъ сообщеній постороннихъ
очевидцевъ и другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Лица, сооб-
щавшія намъ приведенные нами свѣдѣнія, охотно вновь под-
твердять все ими сказанное, а мы съ своей стороны готовы
доказать достовѣрность нашихъ источниковъ и указать на спо-
собъ самой точной проверки сообщаемыхъ нами фактовъ.

Духоборцы, согласно имѣющимся историческимъ даннымъ,
появились въ половинѣ прошлаго столѣтія. Къ концу прош-
лага и началу нынѣшняго столѣтія ученіе ихъ опредѣленно
выяснилось и число послѣдователей значительно увеличилось.
Эти обстоятельства вызвали въ правительство и церкви цѣлый
рядъ преслѣдованій духоборовъ, такъ какъ люди, не понимавшіе
истиннаго значенія духоборческаго движенія, ошибочно предпо-
лагали, что секта эта вредна. Преслѣдованія ея, — то усилив-
авшіяся, то смягчавшіяся и даже совсѣмъ стихавшія, смотря

по степени въротерпимости находившихся у власти лицъ, — за послѣдніе года опять приняли самые крупные и жестокіе размѣры.

Основа духоборческаго ученія состоить въ томъ, что въ душѣ человѣка пребываетъ духъ Божій и наставляетъ его своимъ внутреннимъ словомъ.

Пришествіе Христа во плоти, его дѣянія, ученіе и страданія духоборы принимаютъ въ духовномъ смыслѣ. Цѣль страданій Христа, по ихъ понятію, была та, чтобы подать намъ примѣръ страданія за истину. Христосъ и теперь продолжаетъ въ насъ страдать, когда мы не живемъ согласно заповѣдямъ и духу его ученія. Все ученіе духоборовъ проникнуто евангельскимъ духомъ любви.

Поклоняясь Богу духомъ, духоборы утверждаютъ, что наружная церковь и все, что въ ней совершаются и къ ней относится, не имѣть для нихъ значенія. Церковь тамъ, гдѣ двое или трое собраны, т. е. соединены во имя Христово.

Молятся они внутренно во всякое время, въ опредѣленные же дни, для удобства соотвѣтствующіе православнымъ праздникамъ, они собираются на молитвенные собранія, на которыхъ читаютъ молитвы или поютъ духовныя пѣсни, (псалмы, какъ они ихъ называютъ), и братски привѣтствуютъ другъ друга земными поклонами, признавая каждого человѣка носителемъ Божества.

Ученіе духоборовъ основывается на преданіи. Это преданіе называется у нихъ „животною книгою“, потому что оно живеть въ ихъ памяти и сердцахъ. Она состоитъ изъ псалмовъ, частью составившихся изъ содержанія ветхаго и новаго завѣта, частью сложившихся самостоятельно.

Какъ свои взаимныя отношенія, такъ и отношенія къ другимъ людямъ, не только къ людямъ, но и ко всяkimъ живымъ тварямъ,—духоборы основываютъ исключительно на любви; и потому они считаютъ всѣхъ людей равными братьями. Эту мысль о равенствѣ духоборы распространяютъ и на государственные власти, слушаться которыхъ они не считаютъ для себя обязательнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требованія этихъластей противорѣчатъ ихъ совѣсти. Во всемъ же томъ, что не нарушаетъ признаваемой ими воли Бога, они исполняютъ желанія властей.

Противнымъ своей совѣсти и волѣ Бога они считаютъ убійство, насилие и, вообще, нелюбовное отношеніе къ живымъ существамъ.

Въ жизни своей духоборы трудолюбивы и воздержаны; въ рѣчахъ своихъ всегда правдивы, считая всякую ложь большимъ грѣхомъ.

За проявленіе этихъ то вѣрованій духоборцы терпѣли и терпятъ преслѣдованія.

Императоръ Александръ I въ своемъ реєкрипѣ на имя Херсонскаго военнаго губернатора отъ 9-го Декабря 1816 года говоритъ такъ: „Всѣ мѣры строгости, истощенные надъ духоборцами въ продолженіи тридцати лѣтъ до 1801 года, не токмо не истребили сей секты, но паче и паче пріумножили число послѣдователей ея.“ И потому въ этомъ же реєкрипѣ Императоръ Александръ I рекомендуетъ мѣстной власти болѣе гуманное обращеніе съ духоборцами, выражаясь по этому поводу такъ: „Просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскать и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насилиемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истинный.“

Переселенныя на „Молочныя Воды“, въ Таврическую губернію, духоборцы пользовались нѣкоторое время относительнымъ спокойствиемъ.

Но вслѣдствіе того, что ученіе ихъ продолжало разростиаться, а также по донесенію мѣстныхъ властей о внутреннихъ беспорядкахъ среди духоборовъ, поселенныхъ на „Молочныхъ Водахъ“, въ 1839 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императора Николая I о томъ, чтобы всѣ духоборы переселены были изъ Молочныхъ Водъ и водворены въ „Закавказской провинціи“, куда уже раньше ссылались изъ другихъ губерній духоборы, упорствующіе въ своемъ вѣроученіи:

Еще въ болѣе раннемъ постановленіи Комитета Министровъ отъ 6 Февраля 1826 года, на засѣданіи котораго было рѣшено переселять духоборцевъ въ Закавказье, говорится такъ: „Польза этой мѣры очевидна: пересылаемые за предѣлы Кавказской области, находясь всегда противу горскихъ народовъ,

по необходимости должны будуть оружіемъ защищать свое имущество и семейство, а другіе, видя такое употребленіе духоборцевъ, будутъ воздерживаться отъ вступленія въ духоборческую ересь.“

Такимъ образомъ правительство желало поставить духоборовъ въ такія условія, которыя должны были заставить ихъ отступить отъ своихъ убѣждений.

Кромѣ того, для поселенія ихъ назначена была мѣстность въ нынѣшнемъ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлісской губерніи, на такъ называемыхъ „Мокрыхъ Горахъ“, съ суровымъ климатомъ, на высотѣ пяти тысячъ футъ надъ уровнемъ моря, где съ трудомъ произрастаетъ ячмень, и нерѣдко хлѣбные посѣвы побиваются морозами. Часть же духоборовъ была поселена въ нынѣшней Елісаветпольской губерніи.

Переселеніе это совершилось по частямъ съ 1841 по 1845 годъ.

На „Молочныхъ Водахъ“ разрѣшено было остаться только духоборамъ, пожелавшимъ возвратиться въ православіе.

Но ни суровый климатъ, ни сосѣдство дикихъ воинственныхъ горцевъ не поколебали вѣры духоборовъ, и въ теченіи полустолѣтія, прожитаго ими на Мокрыхъ Горахъ, они превратили эту пустынную мѣстность въ цвѣтущія колоніи и, продолжая придерживаться той же христіанской трудолюбивой жизни, которой жили прежде, они размножились и часть ихъ выселилась въ Карскую область.

Во время своей жизни на Кавказѣ въ теченіи этихъ послѣднихъ 50 лѣтъ духоборы заслужили всеобщее уваженіе и сочувствіе, какъ туземцевъ, среди которыхъ они были поселены, такъ и служебныхъ лицъ не только гражданскихъ, но и военныхъ. удивлявшихся ихъ замѣчательно трудолюбивой воздержанной жизни, и въ этомъ отношеніи всегда ставившихъ ихъ въ примѣръ другимъ поселенцамъ.

Духоборы вынесли изъ Таврической губерніи обычай иметь у себя, такъ называемый „Сиротскій Домъ“,—учрежденіе, удовлетворявшее, какъ цѣлямъ взаимной поддержки и благотворительности, всегда сильно развитой у духоборовъ, такъ и некоторымъ другимъ общественнымъ нуждамъ.

Управители „Сиротскаго Дома“, или, другими словами, общественного имущества, назначались по всеобщему выбору изъ числа духоборовъ, пользующихся наибольшимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Внутрення же жизнь духоборческой общины

управлялась собраниемъ „стариковъ“, т. е. старшихъ членовъ каждой семьи.

Въ концѣ 1886 года умерла управительница Сиротского Дома Лукерья Калмыкова, вдова предшествовавшаго управителя. Послѣ ея смерти духоборы избрали въ управители Сиротского Дома молодого Петра Веригина, человѣка грамотнаго и съ выдающимися способностями, отличавшагося своимъ особенно кроткимъ и отзывчивымъ на чужія страданія нравомъ, долгое время бывшаго помощникомъ Калмыковой и потому хорошо освѣдомленнаго во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ общества.

Но часть духоборовъ, — приблизительно одна четвертая, — подъ предводительствомъ Губанова, родного брата умершей Калмыковой, не согласилась признать Петра Веригина управителемъ Сиротского Дома и обратилась къ мѣстнымъ властямъ за поддержкою. Посредствомъ всевозможныхъ клеветъ и ложныхъ толкованій поведенія Веригина и его партіи, а, главное, по мощью крупныхъ взятокъ, щедро разданныхъ мѣстнымъ правительственныймъ властямъ, Губанову удалось, при подкупленіи содѣйствіи этихъ властей, забрать въ свои руки все общественное имущество, и закрыть его въ свое личное владѣніе, не смотря на общественный приговоръ, подтвердившій, что имущество это всегда признавалось общимъ достояніемъ. Это обстоятельство вызвало раздѣленіе духоборовъ на двѣ партіи: „большую“, въ 15.000 человѣкъ, признавшую незаконнымъ такое похищеніе общественнаго имущества, и „малую“, въ 5.000 человѣкъ, пристроившуюся къ похитившему это имущество Губанову.*)

Въ 1887 году введена была на Кавказѣ общая воинская повинность, и на военную службу потребовали даже тѣхъ, для которыхъ она раньше того была, вслѣдствіе ихъ религіозныхъ убѣжденій, — замѣнена другимъ. Мѣра эта застала врасплохъ духоборовъ, и они сначала вѣнчне подчинились ей; но, никогда по совѣсти не отказавшись отъ признанія войны великимъ грѣхомъ, они уговаривали своихъ забираемыхъ въ солдаты сыновей, подчиняясь разнымъ механическимъ требованіямъ начальства, никогда не употреблять оружіе въ дѣло. Тѣмъ не менѣе это введеніе воинской повинности среди людей, считающихъ грѣхомъ всякое убийство и насилие надъ человѣкомъ, сильно

*) Въ приводимыхъ здѣсь цифрахъ включены женщины, старики и дѣти.

ехъ встревожило и заставило призадуматься надъ степенью ихъ уклоненія отъ сроихъ религіозныхъ убѣждений.

Это новое правительственное требование, отъ которого они, вслѣдствіе его несовмѣстимости съ ихъ совѣстью, были раньше самимъ же правительствомъ избавлены, усилило раздѣленіе духоборовъ. Въ малой партіи, уже обращавшейся къ правительству за поддержкой, оно, вполнѣ естественно, вызвало почти полное подчиненіе его требованіямъ; но за то во всѣхъ духоборахъ большой партіи, — уже несшихъ на себѣ тяжелая послѣдствія недобросовѣтности и подкупности мѣстныхъ властей, оно, наоборотъ, вызвало рѣшительный отказъ подчиняться правительственныймъ требованіямъ, несогласнымъ съ требованіемъ ихъ совѣсти.

Безпричинная, основанная на ложныхъ доносахъ малой партіи, ссылка Петра Веригина съ пятью другими духоборами большой партіи еще болѣе обострила отношенія между двумя партіями и усилила начавшійся подъемъ духа большой партіи, члены которой замѣчательно тѣсно связаны взаимною любовью другъ къ другу.

Подъемъ религіознаго духа, который сопутствовалъ этому движению, выразился въ томъ, что духоборы большой партіи рѣшили возвратиться къ болѣе строгой христіанской жизни. Они поравняли свое имущество, восполнивъ недостатки тѣхъ, которые оказались къ тому времени обѣднѣвшими и нуждающимися, собрали новый общественный капиталъ въ 100,000 р. на общія нужды и совершенно отказались отъ употребленія табаку, вина и мяса и отъ другихъ излишествъ. А, главное, рѣшили ни въ какомъ случаѣ не употреблять насилия.

Эта строгая жизнь заставила нѣкоторыхъ, болѣе слабыхъ, снова отдѣлиться и образовать третью, среднюю партію, въ числѣ 3,000 человѣкъ, при чемъ отдѣлившіеся отчислили въ свое владѣніе половину вновь собраннаго капитала. Въ большой же партіи такимъ образомъ осталось 12,000 человѣкъ.

Въ подтвержденіе искренности своего рѣшенія не употреблять насилия даже для защиты себя, духоборы большой партіи лѣтомъ прошлаго 1895 года сожгли все свое оружіе, имѣвшееся у нихъ, какъ у всѣхъ кавказскихъ жителей, а находившееся на военной службѣ отказались ее продолжать. Для сожженія своего оружія, составлявшаго ихъ частную собственность и потому находившагося въ ихъ безусловномъ распоряженіи, они, по общему уговору, назначили ночь съ 28 на 29 Іюня

И сожжение это было произведено при п'яніи псалмовъ одновременно въ трехъ мѣстахъ: въ Тифлисской и Елисаветпольской губерніяхъ и въ Карской области. Въ Карской области, благодаря разумному невмѣшательству мѣстныхъ властей, оно прошло безъ малъйшаго столкновенія съ ними; въ Елисаветпольской губерніи оно почему то вызвало заключеніе 40 духоборовъ въ тюрьму, гдѣ они находятся и до сихъ поръ, а въ Тифлисской губерніи при этомъ со стороны мѣстной администраціи произошло безсмысленное, ничѣмъ не вызванное и немовѣрное по своей дикости и звѣрству, нападеніе войска на обезоруженныхъ людей и жестокое истязаніе ихъ.

Сожжение оружія въ Тифлисской губерніи должно было происходить близъ села Горѣлова, населенного духоборами малой партіи, въ рукахъ которыхъ находилось отобранное ими общественное имущество. Эти духоборы, узнавъ о намѣреніи большой партіи, сжечь оружіе, -- испугавшись ли ихъ большого скопленія, или, желая ихъ оклеветать по недоброму къ нимъ чувству, донесли начальству, что духоборы большой партіи затѣваютъ бунтъ и готовятся къ вооруженному нападенію на село Горѣлое. Мѣстныя же власти, не провѣривъ основательности доноса, распорядились выслать казаковъ и пѣхоту на мѣсто мнимаго бунта. Казаки прибыли на мѣсто сборища духоборовъ къ утру, когда уже догоралъ костеръ, уничтожившій ихъ оружіе, произвели двѣ кавалерійскія атаки на этихъ, добровольно обезоружившихъ себя и пѣвшихъ духовныя пѣсни, мужчинъ и женщинъ, и избили ихъ плетьми самымъ звѣрскимъ образомъ.

Послѣ этого начался цѣлый рядъ гоненій противъ всѣхъ духоборовъ большой партіи.

Прежде всего вызванныя войска были поставлены на экзекуцію по духоборческимъ селеніямъ, т. е. имущество и сами жители были переданы во власть офицеровъ, солдатъ и казаковъ, стоявшихъ въ этихъ деревняхъ, гдѣ они безчинствовали, грабили и истязали жителей, оскорбляя и насилия женщинъ.

Мужчины, около 300, отказавшихся отъ званія чиновъ запаса, и около 30, отказавшихся отъ дѣйствительной службы, были заключены въ тюрьму и дисциплинарный батальонъ.

Затѣмъ болѣе четырехъ тысячъ Ахалкалакскихъ духоборовъ были оторваны отъ благоустроенныхъ хозяйствъ и прекрасно обработанной земли и, послѣ продажи за безцѣнокъ

ихъ имущества, высланы изъ Ахалкалакского уѣзда въ четыре другихъ уѣзда Тифлисской губерніи и разселены по грузинскимъ деревнямъ отъ одной до пяти семей на деревню, и брошены тамъ на произволъ судьбы.

Еще съ прошлой осени появились среди этихъ разселенныхъ духоборовъ эпидемическая болѣзни: тифъ, лихорадки, дифтеритъ, поносы, рвота и другія, и значительно увеличилась смертность, въ особенности среди дѣтей.

Духоборы были выселены изъ холоднаго горнаго климата, къ которому они привыкли, въ жаркій климатъ кавказскихъ долинъ, гдѣ даже мѣстные жители страдаютъ отъ лихорадокъ: и потому почти всѣ духоборы болѣютъ, тѣмъ болѣе, что не имѣя жилищъ, они юятся въ тѣснотѣ по наемнымъ квартирамъ.

Главное же то, что въ этихъ мѣстахъ ихъ разселенія у нихъ нѣть средствъ пропитанія. Единственный заработка есть поденный трудъ. среди того населенія, гдѣ они поселены, и выйти за предѣлы котораго ихъ непускаютъ. Заработка же этотъ очень малъ, тѣмъ болѣе, что мѣстные жители въ нынѣшнемъ году пострадали и отъ неурожая, и отъ наводненія. Поселенные вблизи желѣзной дороги кое что зарабатываютъ, работая на ней, и дѣлятся съ остальными получаемою платою. Но заработка этотъ представляетъ лишь каплю въ морѣ общей нужды.

Материальное положеніе духоборовъ становится съ каждымъ днемъ все тяжелѣе и тяжелѣе. У изгнанныхъ духоборовъ нѣть другой пищи, кромѣ хлѣба, и въ томъ иногда бываетъ недостатокъ. У большинства уже появились зловѣщіе признаки голоданія: общее истощеніе и куриная слѣпота, предвестница цынги.

На мѣстѣ ссылки въ Сигнахскомъ уѣздѣ изъ ста поселенныхъ тамъ семействъ, (около 1000 душъ), умерло въ продолженіи года 106 человѣкъ. Въ Горійскомъ уѣздѣ изъ 190 семействъ умерло 147 человѣкъ. Въ Тіонетскомъ уѣздѣ изъ 100 семействъ умерло 83 человѣка. Въ Душетскомъ уѣздѣ изъ 72 семействъ умерло 20 человѣкъ. Почти всѣ страдаютъ болѣзнями, и болѣзненность и смертность все увеличиваются.

Кромѣ этихъ смертей не прекращаются смерти прямо насильственныя среди духоборовъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ и дисциплинарномъ батальонѣ.

Первымъ, въ Іюль 1895 года, умеръ такою смертью духоборъ Кириллъ Конкинъ отъ побоевъ, полученныхъ во время

экзекуції, — умеръ онъ по дорогѣ, не дойхавъ до мѣста ссылки, въ горячечномъ бреду, начавшемся во время его съченія. Затѣмъ, въ Августѣ 1896 года, умеръ въ Екатериноградскомъ дисциплинарномъ батальонѣ Михаилъ Щербининъ, замученный на смерть съченіемъ и насильственнымъ киданіемъ черезъ „ко-былу“. Изъ числа заключенныхъ въ тюрьмахъ уже умерло нѣсколько человѣкъ отъ неизвѣстныхъ намъ причинъ. Новыя смерти готовятся какъ среди населенія, страдающаго отъ нужды въ изгнаніи, такъ и въ тюрьмахъ и дисциплинарномъ батальонѣ.

Среди духоборовъ большой партіи въ Карской области и Елисаветпольской губерніи назначены правительственные старшины, содержимые на счетъ духоборовъ и периодически ихъ грабящіе, что служить источникомъ цѣлаго ряда мнимыхъ преступлений, вызываемыхъ незаконными дѣйствіями этихъ старшинъ.

Сверхъ всего этого, въ силу своего отверженного положенія, находящіеся какъ бы внѣ закона, духоборы оказались въ неограниченной и безконтрольной власти представителей мѣстной кавказской администраціи, изъ которыхъ многіе злоупотребляютъ этимъ своимъ положеніемъ.

Тяжелое положеніе духоборовъ, воплющія беззаконія, совершаemыя надъ ними мѣстными властями, и поразительная кротость, съ которой они переносятъ все то, чему ихъ подвергаютъ, вызываютъ на Кавказѣ всеобщее сочувствіе къ нимъ всѣхъ тѣхъ людей, — (какія бы ни были ихъ религіозныя и политическія убѣжденія), — которые не вполнѣ еще потеряли сердечную чуткость и не введены въ заблужденіе клеветами на духоборовъ, распространяемыми наиболѣе передъ ними виновными мѣстными властями.

Это же простое чувство состраданія, съ одной стороны, и несправедливое поведеніе властей, съ другой, и заставили настъ, — помимо настоящей записки, предназначаемой для тѣхъ лицъ, отъ которыхъ болѣе непосредственно зависитъ облегченіе участіи преслѣдуемыхъ духоборовъ, — обратиться и ко всему обществу съ просьбой о помощи. Вкратцѣ изложивъ сущность дѣла, мы заключили наше обращеніе къ обществу слѣдующими словами, которыхъ мы не можемъ не повторить и здѣсь:

,Духоборы сами не просятъ о помощи, ни тѣ, которые съ семьями находятся въ ссылкѣ, голодные и съ голодными и больными дѣтьми, ни тѣ, которые въ тюрьмахъ и дисциплинар-

номъ батальонъ медленно, но вѣрно замучиваются до смерти. Они умираютъ, не испуская ни одного вопля о помощи, зная, за что и для чего они терпятъ. Но намъ-то, видящимъ эти страданія и знающимъ про нихъ, нельзя же оставаться спокойными.

„Но какъ помочь имъ?“

„Есть только два средства помочи людямъ, гонимымъ за вѣру: одно состоитъ въ исполненіи христіанской заповѣди: призрѣнія страннаго, одѣванія нагого, посѣщенія больного и заключеннаго и насыщенія голоднаго, которую внушаютъ намъ и сердце, и Евангеліе; другое состоитъ въ обращеніи къ гонителямъ, (какъ тѣмъ, которые предписываютъ гоненія и допускаютъ ихъ, когда они могли бы прекратить ихъ, такъ и тѣмъ, которые, не сочувствуя гоненіямъ, принимаютъ въ нихъ участіе и дѣлаются орудіями ихъ), — для того, чтобы обнаружить передъ всѣми этими гонителями всю жестокость, все безуміе и весь грѣхъ ихъ дѣятельности.“

Изложивъ тѣ ближайшія мѣры помощи, которыя мы считаемъ наиболѣе цѣлесообразными, т. е. денежныя пожертвованія для поддержанія слабыхъ, больныхъ и дѣтей, и посѣщеніе гонимыхъ въ мѣстахъ ихъ ссылки и заключенія, мы закончили наше обращеніе къ обществу слѣдующими словами:

„Преданіе всеобщему свѣдѣнію истины о духоборахъ важно потому, что не можетъ же быть того, чтобы русская государственная власть дѣйствительно желала уничтоженія этихъ людей путемъ неумолимаго требованія отъ нихъ того, чего они, по своей совѣсти, не могутъ сдѣлать, и неотступнаго ихъ за это преслѣдованія. Здѣсь вѣроятно, есть недоразумѣніе, и потому особенно важно разглашеніе правды, которая можетъ устранить его.“

Самое тяжелое въ теперешней жизни духоборовъ — это совершенная неопредѣленность ихъ положенія.

„Если бы мы знали“, говорили намъ нѣкоторые изъ нихъ, „что намъ придется здѣсь снова зимовать, мы бы давно уже построили себѣ хаты, распахали бы земли и посѣяли бы себѣ чего нибудь.“

Въ газетѣ „Новое Время“ была напечатана телеграмма о томъ, что духоборамъ, разселеннымъ по грузинскимъ деревнямъ, разрѣшено возвратиться въ Ахалкалакскій уѣздъ на свои прежнія земли. На самомъ дѣлѣ это извѣстіе было ложно. Разрѣшеніе возвратиться на свои земли было дано духоборамъ только съ

условіемъ ихъ подчиненія тѣмъ самыи требованіямъ правительства, которые противорѣчатъ ихъ совѣсти, — другими словами, съ условіемъ ихъ отреченія отъ своей вѣры. Этимъ разрывомъ воспользовалась только одна семья изъ сосланныхъ, ослабѣвшая подъ гнетомъ тяжелыхъ гоненій, и представляющая рѣзкое исключение, такъ какъ всѣ остальные сосланные духоборы этими самыми условіями, наоборотъ, только утверждаются въ стойкости по отношенію къ требованіямъ своей совѣсти, и въ увѣренности, что истина не можетъ быть на сторонѣ тѣхъ, кто поступаютъ съ ними такъ безчеловѣчно.

Среди различныхъ офиціальныхъ сообщеній, содержащихъ самыя разнообразныя клеветы на духоборовъ, распространяемыя въ оправданіе своихъ противозаконныхъ дѣйствій, какъ местными кавказскими властями, такъ и другими лицами, наиболѣе фанатически преданными православной церкви,— выдѣляются по своей лживости два офиціальные источника, пользующіеся, къ сожалѣнію, особенномъ довѣріемъ высшей петербургской администраціи. Это, во первыхъ, докладъ Тифлисскаго губернатора, озаглавленный такъ: „Конфиденціальное представление Тифлисскаго Губернатора Князя Шерванидзе на имя Его Высокопревосходительства Господина Главноначальствующаго Гражданской частью на Кавказѣ, Генераль-Адъютанта С. А. Шереметьева отъ 4 Октября 1895 года за № 1000“; во вторыхъ, — сообщеніе посланного для изслѣдованія духоборческаго дѣла миссіонера Скворцова, доведшаго свои ложные доносы на духоборовъ до крайнихъ предѣловъ фанатизма и нетерпимости.

Изъ массы ложныхъ утвержденій о духоборахъ, сообщенныхъ въ этихъ источникахъ, наибольшее довѣріе заслужили два: одно о томъ, будто все движение, происходящее въ настоящее время среди духоборовъ, вызвано пропагандою Л. Н. Толстого, Д. А. Хилкова и ихъ единомышленниковъ; другое о томъ, что, не подчиняясь некоторымъ недавно предъявленнымъ имъ новымъ требованіямъ правительства, несовмѣстимымъ съ ихъ вѣрованіями, духоборы преслѣдуютъ втайне ими скрываемая революціонно-анархическая цѣли.

Мы имѣемъ, въ случаѣ надобности, полную возможность предъявить самыя точныя доказательства, какъ совершенной ложности этихъ двухъ и другихъ имъ подобныхъ утвержденій, такъ и безусловной справедливости всего того, что мы здѣсь изложили.

Мы вполнѣ понимаемъ, что, въ виду такого рѣзкаго противорѣчія между нашимъ изложеніемъ этого дѣла и свѣдѣніями о немъ, полученными официальнымъ путемъ, трудно повѣрить намъ на слово. И потому мы можемъ только заявить, что единственное средство выяснить настоящее положеніе духоборческаго дѣла и установить справедливый на него взглядъ — это тщательный пересмотръ всего дѣла и изслѣдованіе его при участіи людей безпристрастныхъ и добросовѣстныхъ, и при неизменномъ условіи: миновать посредничество мѣстной кавказской администраціи, отъ которой въ этомъ случаѣ и исходитъ все затѣмненіе и извращеніе истины.

Мы питаемъ глубокую надежду, что наше искреннее желаніе одной только правды по отношенію къ этому дѣлу, и добра къ людямъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны въ немъ заинтересованнымъ, — не останется безплоднымъ и хоть сколько нибудь поможетъ необходимому облегченію участіи нѣсколькихъ тысячъ людей, съ неслыханнымъ терпѣніемъ и крѣстностью безмолвно страдающихъ за свои религіозныя убѣжденія.

С. Петербургъ

29 Декабря 1896 г.

II

НЕОБХОДИМЫЯ СРЕДСТВА ОБЛЕГЧЕНИЯ УЧАСТИ ДУХОБОРОВЪ.

Поселенные на Кавказъ духоборы, какъ известно, въ послѣдніе года подвергаются различнымъ преслѣдованіямъ мѣстныхъ властей.

Въ обществѣ и высшихъ правительственныхъ сферахъ уже достаточно распространилось неодобрительное мнѣніе о нѣкоторыхъ болѣе или менѣе тяжкихъ злоупотребленіяхъ кавказской администраціи, резултатомъ которыхъ было отягченіе страданія преслѣдуемыхъ духоборовъ.

По своей безправности, отверженности, признанной „вредности“, духоборы какъ бы стоять въ закона и тѣмъ самыемъ лишены возможности выяснить тѣ противозаконности, изъ которыхъ они терпѣли и терпятъ наибольшее количество причиняемыхъ имъ страданій.

Видя наше сочувствие ихъ страданіямъ и основнымъ принципамъ ихъ жизни, духоборы охотно сообщили и продолжаютъ сообщать намъ свѣдѣнія о своей жизни — отъ самыхъ главныхъ фактovъ до мельчайшихъ подробностей тѣхъ событій, которые теперь среди нихъ происходятъ.

Мы собрали всѣ эти откровенные сообщенія ихъ и, являемъся такимъ образомъ единственными представителями интересовъ этихъ беззащитныхъ людей, позволяемъ себѣ возвысить нашъ голосъ во имя истины, выясненіе которой желательно не только для преслѣдуемыхъ, но и для введенныхъ въ заблужденіе преслѣдующихъ.

Въ нашемъ обращеніи къ обществу, озаглавленномъ „Помогите!“ и въ „Запискѣ о положеніи духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 году“, мы сообщили вкратцѣ главнѣйшиe факты изъ

жизни духоборовъ, указывающе съ одной стороны на твердость ихъ духа и высоту ихъ религіозно нравственныхъ основъ, съ другой стороны на неотложность и необходимость мѣръ помощи этимъ незаслуженно страдающимъ людямъ.

Въ томъ же обращеніи къ обществу мы указали и на нѣкоторыя мѣры помощи, доступныя частнымъ лицамъ, а именно — на посильные денежныя пожертвованія для удовлетворенія материальныхъ нуждъ разселенныхъ духоборовъ, на выраженія имъ сочувствія въ той или другой формѣ и наконецъ на важность оглашенія правды объ этомъ дѣлѣ.

Въ настоящей запискѣ мы обращаемся къ людямъ, стоящимъ у власти, съ предложеніемъ тѣхъ необходимыхъ мѣръ, которыя могутъ, хотя отчасти, загладить многія ошибки и противозаконности, совершенныя правительственными лицами по отношенію къ духоборамъ.

Ни сами духоборы, ни мы, раздѣляющіе главныя основы ихъ христіанской вѣры и считающіе своимъ долгомъ обнародованіе правды объ ихъ дѣлѣ, — ни они, ни мы, не просимъ у власти никакихъ милостей, потому что не только не видимъ преступленія въ томъ, что люди стараются по мѣрѣ силъ исполнять волю своего Бога, но считаемъ, что въ этомъ самомъ заключается святая обязанность каждого человѣка, при чёмъ онъ долженъ быть готовъ переносить всѣ могущія постигнуть его за это испытанія.

Но, относясь доброжелательно также и къ властителямъ, мы, по долгу совѣсти, желали бы помочь имъ, въ исправленіи сдѣланныхъ ими ошибокъ, о чёмъ и просимъ ихъ, какъ братьевъ нашихъ, со смиреніемъ и любовью.

Важнѣе всего, и притомъ не откладывая, возстановить правду, т. е. начать пересмотръ всего духоборческаго дѣла. При этомъ успехъ былъ бы возможенъ только при соблюденіи двухъ необходимыхъ условій:

1) Веденіе сношеній съ духоборами и опроса ихъ помимо и независимо отъ кавказской администраціи.

2) Допущеніе при новомъ разборѣ дѣла со стороны духоборовъ большой партіи такихъ пользующихся ихъ полнымъ довѣріемъ посредниковъ, которые могли бы быть сознательными представителями ихъ интересовъ и беспристрастными и участливыми къ нуждамъ духоборовъ истолкователями, какъ требо-

ваний къ нимъ правительства, такъ и взводимыхъ на нихъ обвинений, а также стремлений и нуждъ самихъ духоборовъ.

При безпристрастномъ пересмотрѣ этого дѣла, тотчасъ же выяснились бы, кроме массы мелкихъ клеветъ и злоупотребленій кавказскихъ начальниковъ, три главныя ошибки, послужившія внѣшними толчками того движенія среди духоборовъ и тѣхъ столкновеній ихъ съ властями, результатомъ которыхъ являются теперь столь продолжительныя и незаслуженные страданія многихъ тысячъ людей.

Первой такой ошибкой было примѣненіе въ 1887 году общей воинской повинности по отношенію къ духоборамъ, *) которые въ 40-хъ годахъ, именно и были выселены въ Закавказье въ наказаніе за уклоненіе отъ рекрутчины, и слѣдовательно самимъ своимъ нахожденіемъ въ ссылкѣ уже несли ту кару, которую правительство считало нужнымъ наложить на нихъ. Какъ ссыльные, они лишены были многихъ правъ и потому не могли, по справедливости, быть сравнены въ ихъ обязанностяхъ съ другими поселенцами.

И стало быть, въ виду ихъ неизмѣнившихся религіозныхъ убѣждений, необходимо, ради простой справедливости, избавить духоборовъ отъ отбыванія противной ихъ совѣсти воинской повинности, и не требовать отъ нихъ вновь того, отъ чего еще при Императорѣ Николаѣ I признано было возможнымъ ихъ избавить. Возобновленіе же по отношенію къ духоборамъ воинской повинности, отъ которой они были такъ долго избавлены, равносильно принужденію ихъ къ новымъ отказамъ отъ исполненія государственныхъ требованій, т. е. искусственному и крайне безтактному вызову со стороны самого же правительства нескончаемыхъ усложненій въ отношеніяхъ къ этимъ людямъ и неизбѣжно вытекающихъ изъ этихъ усложненій — новыхъ безцѣльныхъ ихъ страданій.

Люди эти въ послѣднее полустолѣtie, въ теченіи котораго отъ нихъ не требовали противнаго ихъ совѣсти, не только не причинили правительству никакихъ затрудненій, но своею трудовою, хозяйственою жизнью обогащали край, въ которомъ жили, а высокой нравственностью своего личнаго поведенія заслу-

*) Въ Карсской области примѣненіе это началось въ началѣ 90-хъ годовъ.

жили всеобщее уважение всѣхъ, приходившихъ съ ними въ соприкосновеніе, не исключая и мѣстныхъ правительственныхъ властей.

Въ крайнемъ случаѣ можно бы было для духоборовъ замѣнить военную повинность какою нибудь другою, не противорѣчащею ихъ совѣсти. Они готовы производить всякия разумныя общественные работы, явно для нихъ не связанныя прямо или косвенно съ насилиемъ. Такоже относятся они и къ податной повинности. Они не противятся вообще взиманію податей и всегда были исправны въ этомъ отношеніи, а потому вѣроятно и впредь будутъ исправны, даже если подать увеличится.

Если же имъ будетъ объявлено, что хотя малая часть этой подати или сдѣланная прибавка будетъ употреблена на войско, полицію или другое учрежденіе, основанное на насилии, а также если имъ будетъ объявлено, что увеличеніе подати производится въ замѣнъ воинской повинности для найма за нихъ другихъ солдатъ, то они откажутся платить, и начнется новый рядъ искусственно вызванныхъ преступлений и страданій.

На нашъ вопросъ, какъ вообще относятся они къ требованіямъ власти, духоборы отвѣчали: „Если дадутъ намъ маленький камешекъ и велятъ его бросить въ ближняго, — мы этого не можемъ сдѣлать; если же намъ дадутъ огромную глыбу и велятъ ее передвинуть съ мѣста на мѣсто, — это мы можемъ сдѣлать.“

Вторая ошибка правительственныхъ лицъ по отношенію къ духоборамъ — это отнятіе ихъ общественнаго имущества и передача его на правахъ личной собственности Губанову, родному брату умершей Калмыковой.

Такъ называемый „Сиротскій Домъ“, т. е. общественные постройки, земля, скотъ, лошади и другой инвентарь дѣйствительно находились въ распоряженіи Лукеріи Калмыковой, ея мужа и его предковъ; но распоряженіе это было основано на довѣріи всей общины и на избраніи ихъ всей общиной распорядителями. Если управление этимъ имуществомъ и переходило раньше какъ будто по наслѣдству, то только потому, что вновь избранный распорядитель случайно оказывался родственникомъ своего предшественника. Въ настоящемъ же случаѣ управление „Сиротскимъ Домомъ“ должно было по справедливости и по обычному праву перейти къ избранному большинствомъ общины

распорядителю, Петру Веригину, котораго Лукерья Калмыкова и готовила себѣ въ преемники.

Кромѣ имущества, переходившаго по наследству, достояніе сиротскаго дома постоянно пополнялось новыми общественными пожертвованіями, и, стало быть, общество никогда не переставало быть участникомъ въ собираніи этого имущества.

Эта исконная принадлежность имущества всему обществу была подтверждена общественнымъ приговоромъ 16 Декабря 1887 года, отъ 8 селеній Горбловскаго общества, подписаннымъ въ числѣ другихъ членовъ общества и самимъ Губановымъ и утвержденнымъ печатью старшины Зубкова.

И потому слѣдующая мѣра, которой правительство могло бы отчасти исправить сдѣланную ошибку, — это возстановленіе общественного владѣнія имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ, Сиротскаго Дома.

Такъ какъ съ тѣхъ поръ уже состоялось официальное раздѣленіе духоборовъ на два общества, то имущество это слѣдовало бы раздѣлить пропорціонально количеству душъ въ каждомъ обществѣ.

Не исправивъ этой ошибки, правительство всегда можетъ встрѣтить, на требованія подчиненія себѣ, справедливыя возраженія духоборовъ: „можемъ ли мы добровольно подчиняться правительству, которое поступило съ нами нечестно и было для насъ хуже враговъ?“ Исправленіе этой ошибки, слѣдовательно, больше всего желательно въ интересахъ правительственнаго же престижа. Сами же духоборы большой партии, у которыхъ имущество это было незаконно отобрано, давно уже добровольно отказались хлопотать о его возвращеніи, смиренno предоставивъ все это дѣло на судъ Божій.

Третьей важной ошибкой правительственныхъ лицъ было легковѣрное отношеніе къ доносамъ на нѣкоторыхъ лицъ изъ среды духоборовъ, а именно Петра Веригина, и другихъ пяти человѣкъ и ссылка ихъ, какъ бунтовщиковъ и подстрекателей, на крайній сѣверъ, гдѣ они находятся и до сихъ поръ.

Эта ссылка людей, уважаемыхъ всѣмъ обществомъ, въ конецъ подорвала довѣріе духоборовъ къ лицамъ, стоящимъ у власти, и, окруживъ сосланныхъ ореоломъ мученичества, только усилила ихъ нравственное влияніе на общество.

И потому третья необходимая мѣра — это возвращеніе изъ

ссылки этихъ людей, результатомъ чего было бы значительное успокоеніе и упорядоченіе духоборческаго движенія.

Далѣе, съ 95 года началось усиленное арестованіе духоборовъ и заключеніе ихъ въ тюрьмы, во многихъ случаяхъ безъ суда.

Въ настоящее время въ тюрьмахъ сидятъ болѣе трехъ сотъ духоборовъ, перенося самыя тяжкія страданія отъ заключенія. Многіе изъ нихъ больны. До насъ дошли извѣстія уже о десяти смертяхъ, бывшихъ результатомъ этого заключенія. Смиреніе и кротость духоборовъ, каковы бы ни были ихъ, такъ называемыя, преступленія, на столько общеизвѣстны, что держаніе ихъ тюремъ представляется совершенно напраснымъ мучительствомъ, какія бы кары ни ожидали тѣхъ изъ нихъ, которые находятся еще подъ судомъ.

И потому освобожденіе изъ тюрьмы сидящихъ тамъ духоборовъ на поруки ихъ роднымъ представляется необходимымъ и простымъ актомъ справедливости, человѣколюбія и благоразумія.

Затѣмъ, въ томъ же 95 году 30 Іюня и въ слѣдующіе затѣмъ дни, были безчеловѣчно избиты и подвергнуты многимъ другимъ насилиямъ и оскорблѣніямъ духоборы большой партіи Ахалкалакскаго уѣзда, уничтожившіе свое, частнымъ образомъ принадлежащее имъ оружіе — въ знакъ своего полнаго отказа производить надъ кѣмъ бы то ни было и какое бы то ни было насилие, и это избіеніе безоруженныхъ людей было представлено высшему начальству какъ усмиреніе бунта, и эти мнімые бунтовщики за свое мнімо бунтовское поведеніе были разорены и выселены со своихъ хозяйствъ и разбросаны по грузинскимъ деревнямъ другихъ четырехъ уѣздовъ Тифлісской губерній.

Находясь уже второй годъ въ этомъ разселеніи, люди эти страдаютъ отъ материальной нужды, а главнымъ образомъ отъ перемѣнъ климата до такой степени, что изъ четырехъ тысячъ разселенныхъ душъ уже умерло около четырехъ сотъ.

Продолженіе до сихъ поръ такого возмутительного отношенія властей къ этимъ людямъ можно объяснить только тѣмъ, что въ высшихъ правительственныйхъ сферахъ еще не опровергнута эта ужасная клевета, обвиняющая ихъ въ бунтѣ. Поддержаніе этой клеветы до сихъ поръ тѣмъ болѣе странно, что всѣмъ начальствующимъ лицамъ на Кавказѣ извѣстно, что по-

добное уничтожение оружия было произведено духоборами одновременно еще и въ двухъ другихъ мѣстностяхъ и тамъ не повлекло за собой столь тяжкихъ послѣдствій.

А потому также нетерпящею отлагательства мѣрою слѣдуетъ признать разоблаченіе этой клеветы и разрѣшеніе разсѣленнымъ духоборамъ возвратиться на ихъ прежнія хозяйства.

Намъ извѣстно о состоявшемся распоряженіи ссылать всѣхъ отказывающихся отъ воинской повинности — въ Якутскую область на 18 лѣтъ.

Какъ ни жестока эта мѣра сама по себѣ, она можетъ превратиться, изъ долговременной ссылки на поселеніе, — въ медленную, мучительную смертную казнь голодомъ, если духоборы будутъ поселены вразброда и въ мѣстностяхъ, где не можетъ быть примѣнено свойственное этимъ людямъ земледѣліе, какъ средство къ добыванію пищи и другихъ жизненныхъ продуктовъ.

Духоборы, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ не употребляютъ въ пищу мяса и рыбы, и потому, поселенные среди туземцевъ, не употребляющихъ иной пищи, кроме мяса и рыбы, за отсутствіемъ тамъ хлѣба и другихъ растительныхъ продуктовъ, — должны все умереть съ голоду.

Мы не смѣемъ думать, чтобы правительственные власти имѣли въ виду совершение подобной жестокости.

Не надѣясь убѣдить лицъ, стоящихъ у власти, въ разумности духоборческихъ принциповъ, мы, зная высоконравственные качества этихъ людей, можемъ только настаивать на терпимости къ тому, что считается въ нихъ заблужденіемъ.

Если же, чего мы отъ души не желаемъ ему, правительство считаетъ этихъ людей врагами общественной жизни, то и тогда мы позволимъ себѣ замѣтить, что къ врагамъ можетъ быть отношение двоякое: человѣчное и звѣрское. Только при послѣднемъ отношеніи плененные и обезоруженные враги предаются мученію и уничтоженію. Въ первомъ же случаѣ, при человѣчномъ отношеніи къ плененнымъ врагамъ, ихъ кормятъ, одѣваютъ, согрѣваютъ, дружески относятся къ нимъ и вообще заботятся о ихъ благополучіи, на столько, на сколько въ побѣдителяхъ сохранилось сознаніе нравственной обязательности пощады и доброты къ обезоруженнымъ.

Если такъ принято въ наше время обращаться съ дѣйствительными врагами, боровшимися посредствомъ оружія и убийства; то каково же должно быть обращеніе съ такими людьми, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они не были ничьими врагами, отказывались отъ всякой борьбы, воздерживались отъ всякаго убийства, въ подтвержденіе чего сожгли свое оружіе, и, отдавшись подъ защиту одного только Бога, въ исполненіи Его воли положили весь смыслъ своей жизни.

С. Петербургъ

25 Января 1897 г.

ИЗДАНИЯ ВЛАДИМИРА ЧЕРТКОВА:

1. *Напрасная Жестокость.* О томъ, нужно-ли и выгодно-ли для правительства дѣлать мучениковъ изъ людей, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ не могущихъ участвовать въ военной службѣ?

B. Черткова.

2. *Голосъ Древней Церкви въ Защиту Свободы Вѣры.*

H. Трегубова.

3. *Помогите!.* Обращеніе къ обществу по поводу гонений на кавказскихъ духоборовъ, составленное

H. Бирюковымъ, H. Трегубовымъ и B. Чертковымъ

Адресъ редакціи:

VLADIMIR TCHERTKOFF.

«Broomfield», Duppas Hill, Croydon, London, (Angleterre).